

Все персонажи и события
этой книги вымышлены.

Часть 1

Лариса Белозерова. Москва

Глава 1

Лариса Белозерова отперла дверь квартиры старым теткинским ключом и вошла внутрь. Длинный коридор был привычно темен, только в его конце слабо светилось оконце ванной, дверь в которую снес кто-то из последних жильцов коммуналки.

Лара сбросила с плеча сумку, разулась. Но, ступив на пол голыми ногами (капроновые колготки не считаются), почувствовала под ступнями песок, нанесенный подошвами прошеных и непрошеных гостей этой квартиры, за которыми некому было убрать. Пришлось обуться. И идти через длинный коридор на высоченных каблуках, от которых Лара так мечтала избавиться.

Доковыляв до ванной, она нашла на батарее тряпку, намочила ее и вернулась к входной двери. Кряхтя, Лара наклонилась и принялась мыть пол. Когда от песка не осталось и следа, она с наслаждением скинула туфли и прошлепала по еще влажному паркету к туалету, чтобы швырнуть в ведро тряпку. Но ведра там не оказалось. Как и унитаза. Вместо него на полу стоял пластиковый таз, к огромному облегчению Лары, без следов чьего-нибудь облег-

чения. Туда она тряпку и кинула. Потом сполоснула руки, стянула колготки и, сев на край облупившейся ванны, сунула под водяную струю ноющие ноги.

— Хорошо, — прошептала Лара, ощутив приятное покалывание в пальцах.

Пока истомившиеся в тисках модельных туфель ноги отходили, Лара осматривалась. Как и следовало ожидать, ванная комната представляла собой жалкое зрелище. На стенах вздутая краска, на потолке черная штукатурка, трубы текут, раковина в трещинах, а по загаженному полу неспешно прогуливаются гигантские прусаки, не боясь ни света, ни человеческого присутствия.

— Кошмар, — резюмировала Лара, но без горечи. Она знала, в каком состоянии будет выкупленная ею коммуналка.

Еще бы не знать! Лара Белозерова, можно сказать, в ней выросла, хотя проживала она вместе с родителями совсем в другой квартире — отдельной, двухкомнатной, на другом конце Москвы. Здесь же, в этой запущенной коммуналке в районе Садового кольца, жила ее бездетная тетка, которой Ларины родители спихивали дочь в тех случаях, когда надолго уезжали из дома. А поскольку делали они это часто (оба играли в джазовом оркестре — мама на фортепиано, отец на саксе), Лара проводила с теткой большую часть своей жизни.

Тетку звали Ивой. Иветтой, как она представлялась, и Лизаветой, как было на самом деле. Тетка всю жизнь проработала в Малом театре гардеробщицей, так что ее племянница с молодых ногтей приобщалась к высокой культуре. Сама Ива тоже

была причастна к искусству. С юности и до самой смерти она пела в самодеятельности и участвовала в постановках драматического кружка при ЖЭКе. Голос у нее был отменный, актерские способности тоже присутствовали, поэтому Ива мнила себя несостоявшейся примой, лишенной возможности выступать в Малом только потому, что война и эвакуация помешали ей поступить в театральный вуз. Уверенность в непризнанной гениальности наложила на тетку свой отпечаток — до самой смерти в возрасте восьмидесяти лет Ива носила расшитые золотой тесьмой пиджаки, каблуки, красилась, делала начес а-ля Джина Лолобриджида и не расставалась с янтарным мундштуком. Даже на смертном одре она покуривала свои тонкие сигаретки, настаивала на опрыскивании себя духами и все норвила улечься так, чтобы в случае, если смерть забереет ее во сне, никто из обнаруживших Иву не заметил ее второго подбородка.

Когда старуха умерла, ее комната досталась племяннице. Лара тогда только окончила институт и устроилась на работу — помощником редактора на телевидении, — и своя жилплощадь пришлось ей как нельзя кстати. Но, переехав в теткину комнату с намерением радоваться жизни: водить подруг, друзей и новоиспеченного жениха для проверки половой совместимости, — она вынуждена была признать, что унаследованные ею «хоромы» для этого совершенно не годятся. А все из-за соседей, коих насчитывалось двенадцать человек, и половина из них скоротечно приобрела алкогольную зависимость. Раньше, насколько Лара помнила, они толь-

ко попивали, отмечая выходные символической бутылкой, а праздники шумными застольями, теперь же эти люди пили по-черному. Результат — дебоши среди ночи, ругань круглые сутки, горы пустых бутылок в коридоре, блевотина на кухонном полу. Радоваться жизни в такой обстановке Лара не могла. Остальные обитатели коммуналки тоже, но за многие годы совместного проживания они научились абстрагироваться от окружающей мерзости, а главное — давать разудалым соседям отпор. Особенно в этом преуспела старуха Берг (за глаза называемая всеми Графиной), способная отшивать приставал одним лишь колючим взглядом потускневших карих глаз. Другие поступали иначе: кто облаивал, кто милицией грозил, а кто и в морду давал. И только Лара не могла справиться с пьяницами. По ночам те ломились именно к ней. Из ее хлебницы они воровали хлеб на закуску и гадили мимо унитаза именно в дни ее дежурства.

Пришлось Ларе оттуда съехать. Но перед тем как вытащить из Ивиной комнаты последний чемодан, она дала себе слово обязательно сюда вернуться. Не конкретно в теткины метры, а именно в квартиру, и единственной хозяйкой.

Старая коммуналка была для Лары не только частью приятных детских воспоминаний, которые хочется подольше сохранить, она была ее мечтой. Кто-то мечтает иметь виллу на Канарах, кто-то замок в Шотландии, кто-то двухуровневый пентхаус на Манхэттене, а Лариса Белозерова представляла свое счастливое будущее только в этой квартире. Еще девочкой, лежа на теткиной софе и глядя в по-

толок с остатками затейливой лепнины, или стоя у окна, из которого открывался вид на старинную улочку, или бродя по коридору, где из-под отошедших обоев выглядывали наклеенные на стены газеты, датированные 1915 годом, Лара ощущала дикий восторг — ведь все это было так не похоже на их типовую квартиру, их дом, их район. Там все безликое, бездушное, никакое, а тут — даже под ободранными обоями история!

Вот это, пожалуй, больше всего Лару и завораживало. Каждый день, входя в кухню, она подолгу стояла у двери, держась за медную ручку, чудом сохранившуюся еще от первых хозяев квартиры. Она трогала ее, и дух захватывало от того, что пальцы касаются вещи из далекого прошлого, а к ней, в свою очередь, прикасались люди, жившие в те годы, а значит, эта ручка все равно что машина времени, соединяющая настоящее с давно минувшим...

В теткиной коммуналке вообще многое напоминало о былых временах: остатки паркета, лепнина, чугунные решетки на крохотном балкончике, оконные рамы, не разошедшиеся и за сто лет. Но мало кто из ее обитателей обращал на это внимание. Они видели уродливые стенные перекрытия, возведенные для того, чтоб из четырехкомнатных хором для одной семьи сделать восемь комнатушек для пяти, утыканную плитам кухню, общую ванную, уборную... А вот Лара именно этого старалась не замечать! Но не получалось — уродующие старинную архитектуру мелочи так и мозолили глаза, поэтому Лариса уже в детстве мечтала, как снесет все пере-

городки, восстановит лепнину и паркет, как реанимирует камин, разобранный еще в двадцатые. Тогда ее мечты были похожи на маниловские прожекты и даже ей самой казались неосуществимыми. Но времена изменились, расселять коммуналки стало делом обычным, и Лара начала всерьез подумывать о приобретении квартиры в единоличное владение. Одна комната у нее уже была, оставалось выкупить еще семь, и тогда...

Но «тогда» долго не наступало — целых восемь лет! Ровно столько времени понадобилось, чтобы всех расселить. Сначала у Лары просто не было денег, чтобы купить каждой семье по квартире, потом, когда средства появились (она быстро сделала карьеру на телевидении, переквалифицировавшись из помощника редактора в редактора, затем в сопродюсера и наконец в ведущую дневных новостей), закапризничали соседи, требуя несусветных условий проживания, в итоге в уговорах и поисках приемлемых для них вариантов прошли годы. Легче всего, как ни странно, оказалось договориться со старухой Берг. Она сразу согласилась на любую квартиру в любом районе и съехала отсюда первой. Сложнее было с последним обитателем коммуналки — старым пропойцей Андромедычем, по паспорту Андронимом Модестовичем Свирским, выходцем из артистической семьи оперных теноров, всю жизнь проработавшим грузчиком Арбатского гастронома. Андромедыч не желал съезжать вообще, к ужасу его дочери и зятя, которым хотелось унаследовать не убогую комнатуху, а отдельную квартиру! Он был слишком стар, чтобы менять место жи-

тельства, слишком непритязателен, чтобы мечтать о более комфортных условиях, и слишком общителен, чтобы уехать из района, где у него была масса собутыльников, приятелей, просто знакомых, а также провинциалов, готовых слушать его лекции об истории Москвы и басни о своих выступлениях перед Сталиным...

Поняв, что уломать старика не удастся, Лара сложила оружие и стала ждать, когда «противник» окончит свои земные дни, чтобы потом уже договориться с его наследниками. Ждать пришлось долго, хотя Андромедыч и не умер. За год старик допился до белой горячки и полного истощения организма (у Ларисы были подозрения, что не без помощи зятя), превратился в лежачего инвалида, который уже не мог вести самостоятельную жизнь. Дочь забрала его к себе на том условии, что Андромедыч согласится на продажу комнаты. Старику ничего не оставалось, как подписать документы.

Через четыре месяца Лариса Белозерова стала полноправной хозяйкой восьмикомнатной квартиры в центре Москвы. Лара планировала сразу же начать в ней ремонт: все ломать, менять, реставрировать. Но когда узнала, сколько для этого потребуются средств, приуныла — все ее немалые накопления пошли на покупку квартиры для дочери Андромедыча. Обещал помочь муж (как делал это уже не раз), но денег все равно не хватало, и ремонт пришлось отложить до лучших времен. Когда они наступили, Ларе стало не до ремонтов — она с головой ушла в работу. Ей предложили вести ежедневное ток-шоу, она согласилась и теперь дневала и ноче-

вала в Останкине. Домой не каждый день попадала, не говоря уж о приобретенной квартире. Конечно, можно было просто нанять бригаду архитекторов-дизайнеров-отделочников, но отдавать свою мечту им на растерзание Лара боялась, хотела все контролировать сама, а времени на это у нее не было...

До недавних пор не было! А теперь — вагон. Шоу закрыли из-за низкого рейтинга, ничего нового ей не предложили — отправили до осени в отпуск, муж, пока Лара горела на работе, спутался с секретаршей, к которой не далее как вчера и ушел, ребенка они родить не успели, Ларисины отец с матерью в заботе пока не нуждались... Вот и выходило, что заняться, кроме как ремонтом, Ларисе было нечем. Одно плохо — на капитальный, с перепланировкой и реставрационными работами, денег у отставной телеведущей не хватало: на зарплату теперь рассчитывать не приходилось, впрочем, как и на помощь богатого супруга.

Но Лариса не отчаивалась. А точнее, не позволяла себе этого. И у нее получалось — так уж она себя выдрессировала. Ни несчастные девичьи любви, ни провалы на экзаменах, ни выволочки начальства не являлись для нее поводом для затяжных депрессий. Лариса отводила себе день-два на переживания, после чего мысленно возводила между собой и неприятностями глухую железобетонную стену (этому приему ее научила старуха Берг много лет назад, когда Лариса переживала первое любовное разочарование и ходила сама не своя, что не укрылось от наблюдательной Графини). И, отгородившись от неприятностей, шла по жизни дальше, не

оглядываясь, не сожалея о прошлом и никогда не возвращаясь назад...

Лара закрутила кран, опустила ноги на пол. Ступни горели от холода, но боль в них прошла, и это радовало. Лара не стала вновь натягивать колготки, пошлепала по полу босой. Выйдя из ванной, она вышла в коридор и сразу двинулась к двери теткиной комнаты. Ее до сих пор украшал плакат с портретом Керка Дугласа в роли Спартака. Картинка прекрасно сохранилась — почти не выцвела, зато надобом Ивиного любимца появились рога, пририсованные, по всей видимости, Андромедыхем.

Взявшись за уголок плаката, Лара собралась его сорвать, но передумала. «Пусть пока повисит, — решила она, — потом выкину прямо с дверью и с прочим хламом, коего в Ивиной комнате полным-полно». Несмотря на то что после теткиной смерти Лара вынесла на помойку большую часть вещей, там все равно оставалась куча ненужного старья: самодельные полки, которые она просто не смогла отодрать от стены, треснутая посуда, груда пластинок и альбомов, в которые Ива старательно клеивала фотографии любимых актеров...

При мысли о тетке Ларе стало грустно. Она любила эту странную женщину и долго горевала по ней. Но со временем боль от утраты прошла и вот теперь грозила вернуться, только Лариса не готова была переживать еще и из-за этого, поэтому постаралась побыстрее покинуть комнату тетки. Задержалась она только для того, чтобы переодеться: снять тесный костюм, белую блузку, белье и облачиться в старые спортивные штаны, майку и тапки.

Сменив рабочую униформу на домашнюю, Лариса отправилась бродить по квартире, прикидывая по ходу, что необходимо заменить в первую очередь. Нет, ясно, что начинать надо с туалета и ванной, тут без вопросов, а вот на переделку какого помещения бросить оставшиеся средства, она пока не решила. Естественно, хотелось всего и сразу, но коль нет такой возможности, нужно выбрать одно: или оборудовать кухню, или из коридора, утыканного кладовками, сделать холл, или хотя бы из двух комнатушек соорудить одну нормальную спальню. Любая другая женщина на ее месте выбрала бы первое, ведь кухня для женщины — святое, но только не для Лары. Готовить она совсем не умела, разве что яичницу, продуктов не запасала, поэтому современная кухонная техника не представляла для нее интереса, а ко всяким чашкам-плошкам была равнодушна постольку, поскольку питалась обычно в ресторанах или кафе. Значит, кухня отпадает! Остаются коридор и спальня. Что выбрать?

Не переставая над этим раздумывать, Лариса отперла дверь в бывшую комнату старухи Берг и вошла. Она была самой маленькой в квартире и самой темной, зато наиболее аккуратной и практически первозданной: только в ней лепнина сохранилась полностью, а паркет не был застелен уродливым линолеумом. Когда Графиня здесь жила, в ней стояла старинная мебель. У Лары, в те редкие разы, когда ей разрешалось сюда входить, создавалось впечатление, что она попадает в прошлое, ибо в комнате не было ничего из настоящего. Элина Берг не смотрела телевизора и не слушала радио.

Не пользовалась фенами и пылесосами. Не читала современных газет и книг. Казалось, она не хочет иметь ничего общего с этим веком, предпочитая оставаться в прошлом. И с людьми из этого века общаться не желает, выбирая в собеседники давно умерших друзей или себя саму. Лариса часто замечала, как старуха, держа в руках какую-нибудь старую фотографию, шевелит губами, будто рассказывает ей что-то.

А вот с соседями Элина за все время едва ли десятком слов перекинулась, и не то чтобы она их презирала, скорее просто не замечала. Исключение делала только для двух старожилов квартиры: дяди Бори Коцмана и Андромедыча, да еще для Ивы и ее племянницы, но и с ними не особенно дружила. Остальных же просто игнорировала. За что была ненавидима многими обитателями коммуналки, а особенно Кузнецовыми, которые проживали за стеной. Но у этих хотя бы была причина ее невзлюбить: вчетвером они ютились на двадцати четырех квадратных метрах и все ждали, когда же старая перечница отдаст концы и освободит для них свою комнату, а остальные злобились беспричинно и массово, но при этом избегали старухе пакостить. Друг другу в кастрюли тараканов подкидывали, а Элине никогда... Парадокс!

Лариса быстро осмотрела пустую комнату и сразу перешла в соседнюю. Эта была не в пример предыдущей большая и светлая. А все из-за эркера, который помешал строителям, переделывавшим буржуйские хоромы в коммуналку, разделить гостиную пополам, изначально тут была именно гостиная с